

Елизавета ЛАРИОНОВА

Портреты музыкантов: новый ракурс

Шаржи... Как много их, какие они разные, сколько значений они имеют! Ведь шарж — это и дружеская шутка, иногда одобрение, даже поддержка, и обидная насмешка, и еще неисчислимое количества оттенков, эмоций...

А из каких только материалов (и нематериалов) не создаются шаржи! Начиная с карандашного наброска, эскиза, рисунка, литографии, скульптуры — к шаржам словесным, музыкальным... Шаржи необходимы искусству. Они уравновешивают его пафос, патетическую приподнятость, серьезность. А кроме того — смех продлевает жизнь, и людям искусства в том числе!

Шаржи, как чертики, выскакивают из самых неожиданных мест. Кто бы мог подумать, что в шкафах нашего строгого, серьезного и классического музея нашей строгой, серьезной и консервативнейшей Консерватории можно найти такую россыпь великолепных, остроумных, смешных, непохожих друг на друга шаржей!

Наша коллекция действительно богата. Есть здесь и шаржи неизвестных авторов, вырезанные из старых пожелтевших газет. Есть целая серия шаржей на Глазунова — излюбленного персонажа карикатурных рисунков. Есть и шарж всемирно известного ныне Михаила Chemiakin'a. Но это (наверное, к сожалению) лишь отдельные жемчужины в собрании нашего музея. А сердце его — коллекция шаржей Александра Игнатьевича Лебедева.

Этот рисовальщик-карикaturист, иллюстратор ныне почти забыт. Лаконичные энциклопедические статьи сообщают лишь скучные биографические сведения (родился в 1830, умер в 1898, жил в Петербурге, закончил Петербургскую Академию Художеств...), да еще говорят о том, что живопись его, дескать, несамостоятельна и неинтересна. Впрочем, узнаем мы и о том, что в иллюстрациях и сатирических литографиях Лебедев достиг известного успеха, даже опубликовывал целые сборники шаржей-литографий («Погибшие, но милые создания», «Еще десяток погибших, но милых созданий»).

Но нигде, ни в каких источниках не упоминается о лебедевской серии шаржей на петербургских музыкантов и музыкальных деятелей. А ведь эта галерея шаржей — именно то, что могло бы выделить Лебедева из череды других карикатуристов и принести ему известность. Попробуйте найти столь же цельную серию несерьезных портретов музыкантов! Более того, по литографиям Лебедева запросто можно изучать петербургскую музыкальную жизнь второй половины XIX века.

Когда создавались эти шаржи, доподлинно не известно. Однако можно предположить, что они относятся к первым пятнадцати годам существования петербургской Консерватории, так как все герои литографий так или иначе имеют к ней отношение, причем именно в период 1860 – 70-х годов. В шаржах мы встречаемся и с преподавателями того времени — Г. Ниссен-Саломан («шведским соловьем», одной из первых преподавательниц вокала), А.И. Рубцом, А.С. Фаминцыным, Л. Ауэром, и, разумеется, с Антоном Рубинштейном. Видим мы здесь и известных музыкантов, тоже довольно тесно связанных с Консерваторией — Э. Направника, О. Петрова. Все эти люди в тот золотой век играли важную роль в российской музыкальной культуре.

Шаржи вообще замечательная вещь. В какой-то мере можно считать их мерилом популярности (но не всегда — таланта, ибо популярность бывает разная). В этом случае Лебедев немало послужил делу популяризации нашей Консерватории — ведь, честно говоря, на шаржи смотреть интереснее, чем на портреты. Но не только.

Моор писал: «Шарж — это не просто плохо нарисованный портрет с длинным носом. Это сумма знаний о человеке, предмете, явлении...» Шаржи Лебедева полностью отвечают этому определению. И при этом они выдержаны в дружеском тоне. Литографии Лебедева не преследуют цели уколоть, указать на недостатки. Зато по ним можно узнать творческую биографию каждого персонажа, его занятие, как он занимался своим делом, каких успехов (или неуспехов) при этом добивался. Кому-то доставался паровоз «Gloria», заваленный цветами и деньгами (как Рубинштейну), аплодисменты и восторженные слушатели (О. Петрову), а кому-то тяжелая тачка и кривляющиеся мальчишки (А.С. Фаминцыну).

Рука Лебедева всегда хорошо узнаваема. Смысл, «изюминка» шаржа, как правило, заключена в фоне. Лица Лебедев прорисовывает очень тщательно, они всегда бросаются в глаза благодаря размеру и цвету (более темному и насыщенному). А фон несколько стушеван. Но тем увлекательнее находить все новые и новые, незаметные на первый взгляд детали и открывать для себя новые черты личности, метко схваченные Лебедевым.

Нам, к сожалению, еще не известно, по какому поводу Лебедев рисовал эти шаржи. Был ли это заказ, дружеский подарок или что-то иное? Это еще предстоит выяснить. Однако это произведения, представляющие большой интерес, выполненные очень тщательно, причем

как с точки зрения рисунка, так и оттиска: эти литографии отпечатаны в лучшей типографии Петербурга того времени — в мастерской Поля Пети. Поэтому, на мой взгляд, шаржи Лебедева вполне достойны выставки под таким, например, названием: «Лица новорожденной Консерватории: новый ракурс».

Использованная литература:

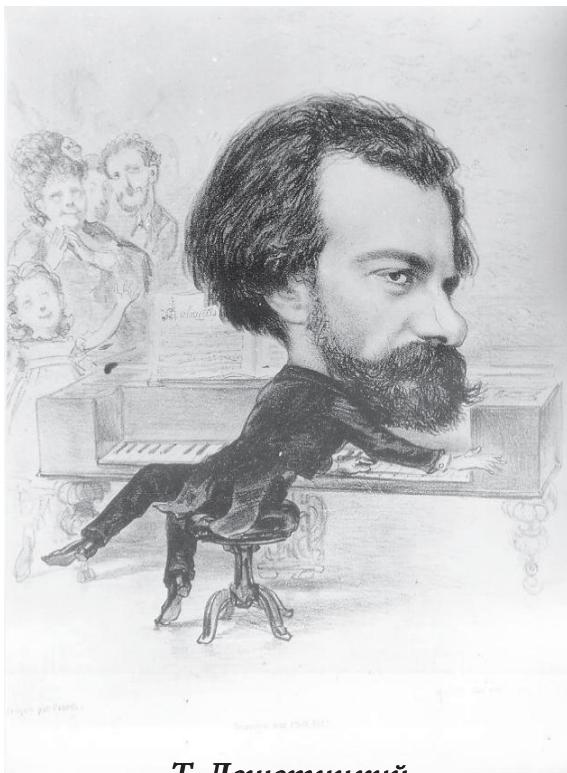
1. Русская живопись первой половины XIX века. – Л., 1929.
2. Советский энциклопедический словарь. – М., 1985.
3. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 1890 – 1907 гг.
4. Электронная энциклопедия Санкт-Петербурга.

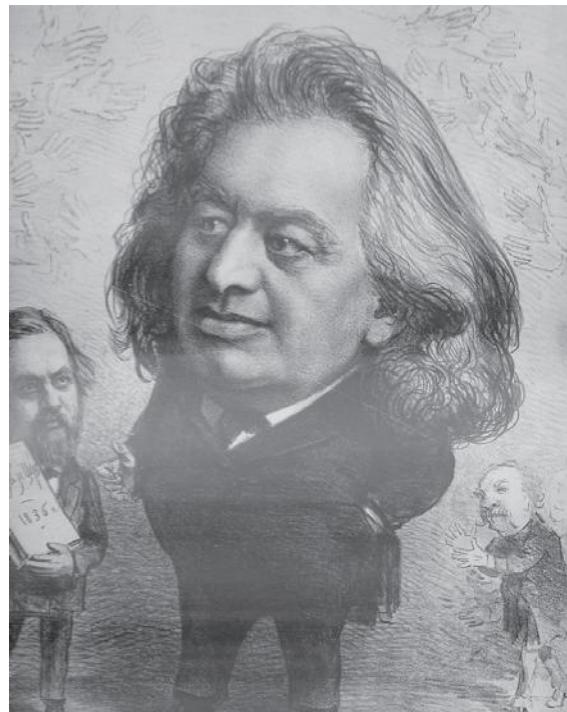
А. Рубинштейн

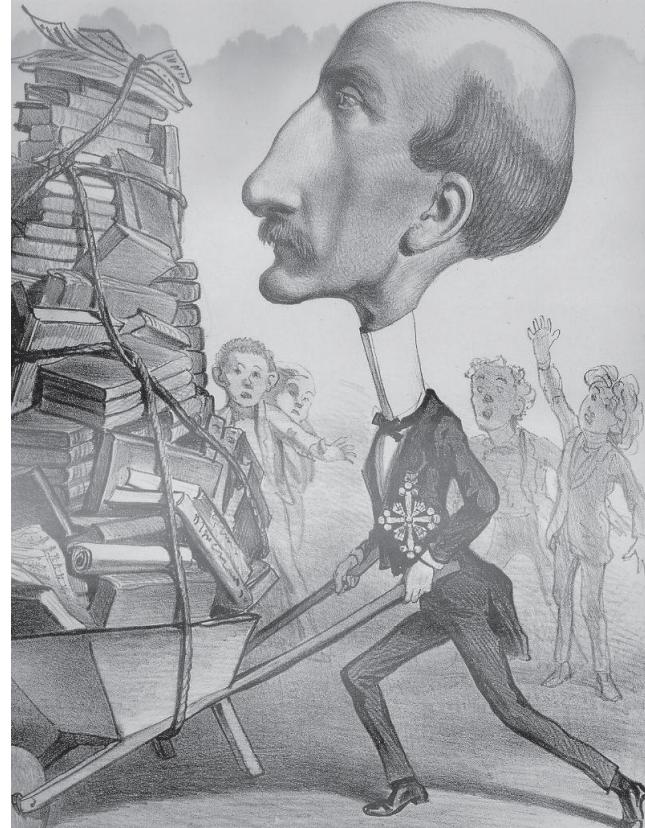
Г. Ниссен-Саломон

Т. Лешетицкий

О. Петров

А. Фаминцын

О Г Л А В Л Е Н И Е

Анна РАТНИКОВА. А.Г. Рубинштейн — инициатор первого международного конкурса	3
Екатерина КОРОЛЕВА. Они учились в консерватории вместе с Чайковским	11
Наиля ЯФЯСОВА. Покровительницы Санкт-Петербургской консерватории	15
Константин МИХАЙЛОВ. Из истории кафедры хорового дирижирования	21
Ольга АЛЕКСЕЕВА-ЕЖИНСКИ. Из истории факультета народных инструментов	27
Марина ВАСИЛЬЦОВА. Рояль — для всех. Штрихи к истории кафедры ОКФ	34
Наталья МАТВЕЕВА. Под знаком Шостаковича — в тени Гения...	43
Вероника СТАНКЕВИЧ. Об одном из воспитанников режиссерского факультета ...	49
Мария ЧЕБЫКИНА. Подарочные народные инструменты	57
Татьяна БЕЗРУЧЕНКО. Фониатрический кабинет Консерватории	60
Наталья КОЛЕСОВА. Зримая память Консерватории	65
Елизавета ЛАРИОНОВА. Портреты музыкантов: новый ракурс	72